

© С.Х. Хотко

Гражданская жизнь западнокавказских горцев: опыт типологии

Ключевые слова: политогенез, народное собрание (зауча, ад. зэҕукӀэ), съезд (ад. зэфӀэс), соприязыжное братство (тлеуж, ад. лӀэуж), территориальная община (псухо), демократия, полития, античный полис, полисоподобное общество, среднее сословие, гражданская жизнь, выборы, солидарность, добродетель

На протяжении второй половины XVIII в. и первой трети XIX в. в ряде западных областей Черкесии был осуществлен переход от многовековой традиции иерархического управления к обществу полисного типа. Процесс ускоренной эмансипации, организованный представителями верхнего слоя тфокотлей (лично независимых крестьян), позволил стать полноправными членами самоуправляющихся обществ (аграрных полисов) массе зависимых крестьян и переселенцам из других черкесских территорий, над которыми сохранялась власть князей. Стремительная эмансипация и консолидация вооруженного «среднего сословия» в новых исторических условиях может быть сопоставима с приходом к власти зевгитов, формировавших фалангу гошпитов.

Полисная революция изменила образ жизни горской массы, приблизив ее к античному идеалу гражданской жизни – социально и политически активному участию в управлении территориальной политией. Приверженец, как это определяли флорентийские гражданские гуманисты, *vivere civile*, чувствовал себя обязанным к участию и действию в социальной структуре. Общество полисного типа отличалось высоким уровнем солидарности, при котором гражданские интересы ставились выше личных. Подобно античным грекам, западнокавказские горцы добровольно несли расходы и исполняли общественно значимые функции (литургия): это были морские экспедиции на своих судах (триерархия), дипломатическая служба (архитеория). У античных греков существовал аналог куначества в виде так называемой проксении, ритуального гостеприимства-побратимства, которое скрепляло отношения на частном уровне и на уровне полисов. Одно из связанных с этим новым состоянием общества сходств – развитие ораторского искусства в среде простолюдинов. Преобразования и новые правила общественной жизни и морали носили у черкесов преимущественно неконфликтный, консенсусный характер.

Отличие черкесских горизонтально структурированных обществ от классического полиса состояло в том, что здесь была внедрена раздвоенная лояльность: не только своей территориально организованной общине (псыхӀу), но и квази-родственному объединению – так называемому «соприязычному братству» (лӀэуж, зтхьарӀоҕу). Члены такого братства, базовый уровень которого действительно был связан с разросшимися семьями, объединялись на основе принесения клятвы, считали себя родственной группой. Эти пересекающиеся и наслаивающиеся друг на друга сети доверия создали исключительно солидарное и безопасное общество, стремительно изживавшее такие укорененные негативные явления, как разбой, кровная месть, преступления против личности, работорговля.

Хотко Самир Хамидович – доктор исторических наук, заведующий отделом этнологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. e-mail: inalast@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-5097-5864>

Для цитирования: Хотко С.Х. Гражданская жизнь западнокавказских горцев: Опыт типологии // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 2. С. 26-58. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/26-58>.

В 1862 г. юный Лев Тихомиров, сын геленджикского гарнизонного врача, наблюдал возвращение из Лондона через Стамбул черкесского посольства: «Я помню, как в Новороссийск возвратился натухайский князь Костанук, ездивший, кажется, в Англию. <...> Но нерадостны были вести, привозимые депутатами. Никакой помощи¹ они не нашли» (Тихомиров 2000: 134). Это был, конечно, не князь, но, можно сказать, потомственный дипломат Исмаил Куштанок — натухаевский старшина, специализировавшийся на внешнеполитических миссиях, сын Хазеша Куштанока, соратника многолетнего политического лидера Западной Черкесии Сефербея Зана (Шамиль 1953: 92; *Бэлл*/1 2007: 72; *Бэлл*/2 2007: 54, 121; *Фелицын* 2010: 65). Это были последние дни независимого Натухая (Натхокуаджа), адыгского племени, описываемого в традиционных для российской этнографии категориях как «демократическое». Летом и осенью 1862 г. в бассейне Кубани также подошла к концу многовековая история Темиргоя, «аристократического» (в традиционных для российской этнографии категориях) адыгского племени или феодального владения. Иерархичный, воинственный Темиргой, обладавший многочисленным «дворянским» (уоркским) сословием, не принимал участия в черкесском сопротивлении после сентября 1829 г. (т.е. во время фронтальной и очень напряженной фазы так называемой Кавказской войны на землях Северо-Западного Кавказа). Зато все эти годы (1830–1864) невероятно ожесточенное сопротивление экспансии Российской империи оказали относительно молодые горские адыгские «племена» — натухайцы, шапсуги, абадзехи, и отнюдь не молодые убыхи.

Первый вопрос, который вытекает из сюжета с «дипломатом» — какими были его полномочия и, соответственно, каким было общество, политическую волю которого он осуществлял? Формально, И. Куштанока можно было бы назвать «министром» черкесского меджлиса (если считать меджлис правительством) или главой комитета по иностранным делам (если считать меджлис парламентом). Посольство в Лондон с целью обращения к королеве и народу Великобритании (но не к парламенту) было предпринято двумя депутатами — абадзехом Хаджи Хайдер Хасан-эффенди и натухаевцем Куштанок Исмаил-эффенди. Их обращение начинается с заявления о том, что они присланы от народа Натухаджа и Абазека, а также действуют от имени депутатов других племен Черкесии (The Free Press 1862b: 1–2). Меджлис был создан в пылу борьбы и «три деревянных здания под драничными крышами, которые составляли присутственные места меджлиса — “зал парламента”, “кунакскую” и мечеть» (в устье реки Псахе, в Убыхии) в июле 1862 г. были уничтожены десантом под командованием генерал-губернатора Кутаисской губернии Н.П. Колюбакина (*Смоленский* 1875: 430–431, 437–438). Знаменательно, что Н.П. Колюбакин дал достаточно высокую оценку политической культуре черкесов: «Все эти племена имеют, так сказать, естественные им начала гражданственности, начала, конечно, неполные и не хорошо обдуманые, но могущие служить основой мудрого управления и благих преобразований» (*Колюбакин* 2001: 184).

¹ 12 сентября 1862 г. из Форин Оффис последовал краткий и не оставляющий иллюзий ответ за подписью Э. Хаммонда: «Господа, я уполномочен графом Расселом, чтобы известить вас о получении петиции, которую вы адресовали королеве 26 июля, жалуясь на поведение России в отношении Черкесии, и я должен проинформировать вас о том, что правительство Ее Величества не может вмешиваться в рассматриваемый здесь вопрос» (The Free Press 1862a: 111). Лорд Джон Рассел, 1-й граф Рассел, министр иностранных дел Великобритании (1859–1865), премьер-министр в 1846–1852 и 1865–1866 гг.

Интенсивная внешнеполитическая активность черкесов происходила на протяжении, как минимум, 80 лет: инициатор строительства крепости в Анапе (1782) хегакский князь Мехмед-Гирей Зан многократно курсировал между Стамбулом и Черкесией. Посольства в Стамбул и Каир имели место накануне и после войны 1828–1829 гг. (Лонгворт 2002: 27, 37). Самоуправляющиеся через народные собрания (ад. *зэлуклэ*, каб. *зэлуцлэ* «встреча», «съезд», «собрание») (ТСАЯ 2006: 181; СКЧЯ 1999: 268)² адыгские общества создавали коллегиальные органы исполнительной власти (меджлисы), которые были своего рода президиумами народного собрания. Таким образом, широко известный меджлис 1861 г. не был первым подобным институтом у адыгов (включая убыхов). Дж. Бэлл и Дж. Лонгворт в 1830-е годы имели дело с членами меджлисов или советов³ Натухая и Шапсугии (Medjilis or National Council) (Longworth/1 1840: 102–103). Деятельность широкого круга горских старшин требовала санкции со стороны народного собрания, но и в очень большой степени являлась добровольно воспринятой миссией. В этом, а также и в некоторых других аспектах, деятельность черкесских лидеров (трибунов) воспроизводила практики античного полиса.

«В социально-психологическом плане чрезвычайно важно, что ни в одной прежней общине других типов чувство солидарности ее членов не было так сильно, как в полисе; — отмечают И.М. Дьяконов, В.А. Якобсон, Н.Б. Янковская, — полисная солидарность была одновременно и правом и обязанностью граждан, вплоть до того, что они в массовом порядке, не на словах, а на деле (как о том свидетельствуют сохранившиеся до нас исторические известия), ставили интересы полиса выше личных или узкосемейных; повинность зажиточных граждан в пользу полиса (*литургия*) выступала как почетная обязанность, которую знатные и богатые люди могли принимать на свой счет» (ИДМ 1983: 20–21).

Подобно полисным гражданам, черкесские лидеры (аристократы и простолюдины) добровольно вызывались нести затраты по обеспечению военно-политической активности как своих обществ, так и всей независимой Черкесии. Это были морские экспедиции в Турцию (за солью, оружием, порохом, медикаментами), которые вполне подпадают под определение *триерархии*, т. е. снаряжения и содержания корабля; дипломатическая служба или *архитеория* (Сефербей Зан, который сочетал ее с очень рискованной эксплуатацией собственной шхуны, в итоге захваченной и сожженной) (Шамиль 1953: 136–137; Бэлл/1 2007: 338, 354); прием и сопровождение иностранных визитеров (старшина из тфокотлей Хасдемир из Цемеза, упомянутый Лонгвортом в 1837 г. как один из деятельных вождей Натухая и «мужчина сорока столов», а также У. Симпсоном в 1855 г.) (Лонгворт 2002: 153–154; Simpson 1880).

Может показаться, что сопоставление с античным полисом носит откровенно надуманный характер, но оно вполне легитимно уже хотя бы в силу обязательности историко-сопоставительного метода. Более того, именно такое

² Термин адекватно передан в форме за-уча у К.Ф. Сталя (Сталь 1900: 145, 155).

³ В доисламской Аравии *меджлис* — совет племени. Использование лексемы «совет» (council) также представляется точным, поскольку она предполагает не только собрание, но и осуществление исполнительной власти.

сопоставление имеет значимую интеллектуальную традицию⁴. Автор данной статьи мог приобщиться к проблематике типологии кавказского общества в далеком 1997 г., запросто общаясь на конференции в Будапеште с Мамайханом Агларовым (1935–2017). В самолете, на обратном пути, мы распили небольшую бутылку дагестанского коньяка, и мне было совершенно невдомек, что я общаюсь с выдающимся кавказоведом. В этот период я интересовался почти исключительно историей черкесских мамлюков.

М.А. Агларов был первым в позднесоветском кавказоведении исследователем, обосновавшим уход от поиска формы общественного устройства «вольных обществ» Дагестана в категориях только феодального уклада, когда им «отводится роль первых стадий начальной фазы феодальной формации» (Агларов 1988: 4). На основе историко-сопоставительного подхода исследователь определил самоуправляемое политическое образование («вольное общество») как полис, присущий не только античной Греции, но и некоторым другим ареалам Циркумпонтийского региона (Агларов 1988: 4). Намеченный М. А. Агларовым подход получил развитие в российской политантропологии (Крадин 2004: 47). В категориальном аппарате политантропологов общества делятся на иерархические (к которым относятся и феодальные модели) и эгалитарные, но и те, и другие имеют равный эволюционный статус. Х. Дж. Классен подчеркивает, что социальная эволюция не имеет заданного направления, но очень часто означает только качественную реорганизацию общества, переход из одного структурного состояния в другое (Классен 2000: 53). В рамках формационного подхода схожая мысль была выражена Л.И. Лавровым, который заметил, что генезис вольных обществ Кавказа является «иллюстрацией одного из зигзагов исторического процесса, который выглядит простым, пока рассматриваем генеральное направление его во всемирном масштабе, но оказывается более сложным и своеобразным, когда знакомимся с ним на конкретных примерах отдельных народов или территорий» (Лавров 1978: 14).

Развернутое исследование демократической трансформации у адыгов на основе формационного подхода было осуществлено выдающимся советским кавказоведом В.К. Гардановым. Оно дает нам полное представление о генезисе и функционировании так называемых соприсяжных братств, которые, как отмечал исследователь, превратились в соответствующих условиях в «боевые органы крестьянской самозащиты и борьбы» (Гарданов 1967: 253). Историкографически значимо, что В.К. Гарданов был научным редактором монографии М.А. Агларова и фактически поддержал его совершенно неортодоксальную версию социальной истории Дагестана.

В.К. Гарданов рассматривал генезис экстерриториальных соприсяжных братств в их сложной взаимозависимости с территориальными объединениями *псужо* (ад. псыхъу, «речная долина») (Гарданов 1967: 285–286). Это название было синонимично определению *общество* и было порождено самой природой Северо-Западного Кавказа, обладающего густой гидрографической сетью.

⁴ Самые общие сравнения черкесов с древними греками (Ф. Дюбуа в АБКИЕА 1974: 456; Henze 1992: 70–71), которые совершенно не стоит отбрасывать без надлежащего анализа, в этой статье не рассматриваются.

По всей видимости, представление о существовании соприсяжных братств было утеряно в адыгейском и кабардино-черкесском языках (в силу кардинального сокращения численности тех субэтнотетов, у которых данный институт имел наибольшее значение). По крайней мере, толковые словари адыгейского и кабардино-черкесского языков не содержат термина «братство» в соответствующем социально-политическом значении. Вполне вероятно, что ситуация изменится, если заново полностью проработать полевые этнографические материалы. Нам остается, вслед за В.К. Гардановым, положиться на сведения Дж. Бэлла, который привел лексему *тлеуш*, обозначающую соприсяжное братство (Гарданов 1967: 254). «Черкесским термином, обозначающим общество или братство, является “тлеуш” (*tleuſh*), что также означает поколение, род, происхождение» (Бэлл/1 2007: 330). В оригинале: «The Circassian word for the societies or fraternities is “tleuſh”, which signifies also “seeds”. The tradition with regard to them is, that the members of each all sprang from the same stock or ancestry; and thus they may be considered as so many sept or clans, with this peculiarity — that, like seeds, all are considered equal». «Черкесское слово, обозначающее общества или братства, — “тлеуш”, что также означает «потомки». Традиция в отношении них такова, что члены каждого [братства] все произошли от одного и того же рода или предка; и, таким образом, их можно рассматривать как множество септ⁵ или кланов — с той особенностью, что, как потомки, все считаются равными» (Bell/1 1840: 347).

«Тлеуш» Бэлла, по всей видимости, это *лэуж* «потомство» (ТСАЯ 2006: 299). С XIX в. в этнографической литературе звуки *л* (l') и *ль* (l) транслитерируются как *тл* — см., например, широко известный термин *тлекотлеш* (л'экь-ольэш) «дворянин» (ТСАЯ 2006: 299). В кабардино-черкесском *лэужь* — «наследственность», «потомство» (СКЧЯ 1999: 504). В ТСАЯ при том, что дан русский перевод «потомство», указан адыгский синоним *лээнкь* «род», «племя». Таким образом, указанный Бэллом термин действительно мог в той исторической обстановке обозначать «братство» как искусственное племя, объединенное клятвой.

У Султана Хан-Гирея в очерке «Бесльный Абат» разбирается конфликт урков с тфокотлями и приводится лексема *тхар-ог* «соприсяжники» (Султан Хан-Гирей 2009: 468). Она полностью соответствует лексеме в толковом словаре адыгейского языка *тхъарылогъу* — «союзник (говорится только о племенах)» (ТСАЯ 2006: 404). Русский перевод «союзник» не является адекватным хотя бы потому, что ниже указана лексема *тхъарылу* «клятва». Но вот уточнение о том, что использование лексемы *тхъарылогъу* связано с коллективными практиками, когда племена клянутся друг другу, вполне исторично. В.Х. Кажаров, комментируя соответствующий фрагмент у С. Хан-Гирея, дает кабардинское написание *тхъэрылуэгъу* (Кажаров 1992: 157, прим. 27). В толковом словаре кабардино-черкесского языка содержится как эта лексема *тхъэрылуэгъу* («один из поклявшихся друг другу в верности»), так и важное понятие *тхъэрылуанлэ* «место, где собирался народ для суда над кем-л. или клятвопринижения» (СКЧЯ 1999: 639).

У демократической линии социальной трансформации была институциональная основа в виде сословных собраний. Веками иерархическая органи-

⁵ Септ — ирландский клан (также — часть клана).

зация уживалась с сословно-представительными собраниями. «У народов, имеющих князей, тоже бывают собрания и очень часто» (*Сталь* 1900: 157). П.С. Потемкин (1784), Я. Потоцкий (1798), Г.-Ю. Клапрот (1807) и Ш. Ногма в 1840-е годы дают нам достаточно четкое представление об организации работы такого трехпалатного «парламента» в Кабарде. Пши (князя) вырабатывали решение и выносили его на обсуждение собранию уорков (узденей); после его согласования, оно представлялось собранию депутатов от тфокотлей. Они были вправе или принять его, или отклонить. «Глас простого народа, — писал П.С. Потемкин, — решит уже законодательное положение; он властен принимать и отменять предложение владельцев и согласие [на него] узденей» (*Кажаров* 1992: 8–9).

Поскольку в Кабарде всегда был значим пост *валия*, т.е. старшего князя (пщышхуэ), возглавлявшего династический дом Иналовичей и сложную феодальноподобную иерархическую систему, то эту северокавказскую политику можно определить и как феодальное владение с лестничной системой наследования, и как аристократическую республику. В более генерализованных категориях политантропологии — как суперсложное вожество или аналог раннего государства. Данный политический порядок, основанный на диалоге и договоре, по сути своей соответствует состоянию *governo misto* («смешанное правление», т.е. совместное правление одного, немногих и многих; сочетание монархии, аристократии и демократии) в итальянских республиках позднего средневековья и раннего нового времени (*Покок* 2020: 129, 443).

Выход из вековой традиции иерархического управления⁶ не случайно был осуществлен горцами. «Важной чертой небольших обществ (в том числе горских), — отмечают Н.Н. Крадин и Т.Д. Скрынникова, — является высокая степень политической активности, тогда как у подданных равнинных аграрных государств отмечается более пассивное политическое поведение» (*Крадин* 2006: 48). Схожие с нагорным Дагестаном процессы имели место на западе Черкесии, где иерархические общества трансформировались в эгалитарные общества с одной большой стратой «граждан» — в своего рода полис. Вну-

⁶ В XVI–XVIII вв. в приморских районах Черкесии существовал институт княжеской власти. В 1625 г. побережье и горный сектор Северо-Западного Кавказа от Варадских гор до Кудесчио (от Новороссийска до Туапсе), согласно Дживонни да Лукка, подчинялись двум братьям-князьям Кази-бею и Санкас-бею (*Северный* 2006: 46–47). От Субаши до Адлера управляли «особенные князья» (*Северный* 2006: 46): «особенные» правильно было бы перевести как самостоятельные – от равнинных политий и Крымского ханства. Здесь же в 1641 г. побывал почти в каждой гавани Эвлия Челеби, который отчетливо отобразил иерархическую структуру во главе с бейями (*Челеби* 1983: 50–53). Во второй половине XVIII в. в районах Вулана (Чепсина) и Суджук-кале отмечаются владения княжеского дома Бастоко (*Черкесы* 1998: 334). С князем (пши) Пшимафом Бастоко имел дело Дж. Бэлл, заметивший, что у того осталась только титул и что в последние годы он лишился порядка тысячи вассалов (уорков и тфокотлей): «номинальная власть этого князя еще и сегодня простирается до Чепсина, по-другому говоря, приблизительно на семьдесят миль» (*Бэлл/1* 2007: 216; *Шамиль* 1953: 50). Как о захиревшем княжеском роде, управлявшем некогда племенем «вепси» (ад. цопсын), о Бастоковых писал С. Хан-Гирей (*Султан Хан-Гирей* 2009: 165). Полностью пресекались княжеские дома Шешако и Арин в обществах Гуаие и Цюхух соответственно (*Люлье* 1857а: 185). Фактически, княжеским статусом обладал тлекотлеш Мехмед Индароко (Шупако) в долине Пшада (*Маринь* 2006: 57–64). В 1829–1830 гг. завершилась история аристократического владения Хегак под управлением князей Зан: народ интегрировался в натухаевское общество, а Сефербей Зан воспринял роль выборного политического лидера, заручился двумястами печатями старшин от Анапы до Карачая включительно и отправился в Стамбул в качестве посла черкесов (*Хотго* 2018b: 13).

три этой страты были и бывшие знатные, еще не утерьявшие окончательно своих привилегий, и старшинская элита тфокотлей, и вся масса тфокотлей и бывших крепостных. Все они теперь управлялись посредством институтов народного собрания и суда присяжных. «Племенные системы такого типа, — пишет А.В. Коротаев о северойеменских «племенах», возникших на основе распавшихся вожеств, — предполагают прежде всего высочайший уровень развития политической культуры, и существование изошренной системы политических институтов и традиций арбитраживания, посредничества, поиска консенсуса и т. д., развитой разветвленной сети межобщинных связей на гигантских территориях, населенных десятками и сотнями тысяч человек, организующей (без применения централизованного насилия) все эти массы населения» (Коротаев 2006: 141). Определение, данное А.В. Коротаевым, очень хорошо соответствует тому состоянию общественных институтов, которое засвидетельствовано многими наблюдателями в первой половине XIX в. в Западной Черкесии.

Д.М. Бондаренко и А.В. Коротаев отмечают, что иерархические и неиерархические общества отличаются друг от друга по способу «интегрирования локальных социумов в единый надлокальный социальный организм». У первых он носит преимущественно насильственный характер, у вторых — ненасильственный, более или менее добровольный. Это и есть в самом общем плане *синойкизм*. Важно, что «только на этом эволюционном направлении оказывается возможным становление гражданского общества» (Бондаренко, Коротаев 1999: 133).

Очевидно, что полис представлял собой в своих наиболее зрелых формах город-государство, «мельчайшее раннее государство», но надо понимать, что в Греции существовали полисы, «не имевшие собственных городских центров, однако воспринимавшиеся и самими гражданами, и другими эллинами как полисы» (Гринин 2012: 44, 78). В архаический период возникло многообразие типов и форм полисной организации: полис мог быть не только городским, но и аграрным, занимающим большую площадь (ИДМ 1983: 88–89). Главный признак полиса усматривался эллинами не в торгово-ремесленной деятельности внутри городских стен, а в политической самостоятельности населения (ИДМ 1983: 74).

Многие полисы архаической и даже классической Греции оставались без выраженного административного аппарата. Именно с этой группой периферийных полисов вполне сопоставимы кавказские демократические общества. Д.М. Бондаренко определяет их как сложные негосударственные общества, альтернативные раннему государству (Бондаренко 2012: 115). Для определения альтернативных раннему государству форм политической организации предлагаются термины *параполитейность* (государствоподобность) и *параполис* (неиерархическая, полисоподобная структура) (Маслов 2012: 333–334).

Согласно Л. С. Васильеву, «ранние эллинские полисы были самоуправляемыми городами-государствами» республиканского типа, что в корне отличало их от древневосточных (египетских и шумерских) «протогосударственных урбанистических образований». «По сути своей рождение буквально из ничего столь сложного и принципиально нового социально-политического, экономического и цивилизационно-культурного феномена, — отмечает Л.С. Ва-

силев, — было чем-то вроде социальной мутации, великой революции, сопоставимой по ее значению для исторического процесса с неолитической» (Васильев 2000: 103). Опыт гражданской жизни — *vivere civile* — «изменил человеческую природу так, как это было не под силу одному лишь обычаю» (Покок 2020: 267).

По определению М. Манна, «полис был самоуправляемым территориальным государством города и сельскохозяйственных провинций, в нем каждый мужчина, владевший землей, будь то аристократ или крестьянин, рожденный на его территории, обладал свободой и гражданством» (Манн 2018: 299). Полисная организация опиралась на два принципа: «гражданское равенство собственников земли» и «лояльность территориальному городу, а не семье или клану» (Там же).

Республиканский строй и полисоподобные государства — Псков и Новгород — были очень долго значимым противовесом московскому самодержавию. Способность создавать институты самоуправления и адаптировать для них уже существовавшие неожиданным образом проявилась у русских крестьян в период так называемой «великой тишины» (в 20–70-е годы XIV в.), т. е. в условиях эффективного золотоордынского контроля над северо-восточной Русью (Нефедов 2010: 170–172). Таким образом, народное собрание и избрание старшин, и судей являются универсальными механизмами построения демократии снизу. Они проявлялись даже в очень краткие исторические моменты и их интуитивно использовали крепостные крестьяне. Задолго до русской революции появилось понятие «народосоветие» (в речи профессора Афанасия Щапова после панихиды по убитым в Бездне крестьянам, 16 апреля 1861 г.) (Эткинд 2022: 303).

Проблема перехода части северокавказских обществ от иерархической социальной организации к неиерархической рассмотрена в работах Г.М. Дерлугьяна, известного российско-американского историка и социолога. Г.М. Дерлугьян выделяет такие факторы как утрата феодальными сословиями монополии на насилие, что было вызвано широким распространением огнестрельного оружия; демографический рост в горной зоне; опора крестьянских союзов на исламскую идеологию всеобщего равенства (Дерлугьян 2013: 41). Согласно Г. М. Дерлугьяну, ключевой признак полисоподобного общества — это складывание политического объединения свободных горцев, каждый из которых обязуется вооружиться за собственный счет и «воевать на равных» (Дерлугьян 2013: 149–150).

Черкесские институты и практики самоуправления рассмотрены в работе П. Мэннинга (Manning 2009). Он уделил особое внимание проблеме восприятия черкесских социальных и политических институтов в больших нарративах Дж. Бэлла и Дж. Лонгворта. Как отмечает Мэннинг, Лонгворт стремился дать максимально точное описание черкесских институтов, но при этом невольно был вынужден обращаться к знакомым ему хорошо социальным категориям английского общества и, в первую очередь, к такому понятию как либерализм. «Это позволило ему увидеть черкесское государственное устройство по существу «точно таким же, как Англия»: увидеть в черкесах некое подобие английских йоменов, а в черкесских политических структурах — своего рода имплицитный либерализм» (Manning 2009: 595). «Верность Бэлла черкесской

терминологии подчеркивала ориентализирующую *инаковость*, в то время как использование Лонгвортом терминологии британского либерализма подчеркивало *оксидентализирующую* (представляющую как западную. –С.Х.) идентичность черкесских и британских институтов» (*Там же*).

Такова, в самых общих чертах, **теоретическая и историографическая основа** проблемы формирования полисоподобных обществ Кавказа. Теперь кратко перечислим **фундаментальные факторы**, позволившие осуществить эгалитаристскую трансформацию на Северо-Западном Кавказе:

— географический (укромность ландшафта, невысокие лесистые горы у моря, плодородные почвы) (*Аристотель* 1983: 47; *Vinnep* 1995: 21; *Коротаев* 1995: 88–89); при этом защищенность вмещающего ландшафта важнее степени его благодатности в плане сельского хозяйства (*Лейн* 2020: 9; *Эпштейн* 2020: 36–39).

— фактор адаптации: этническая культура (от лат. *cultura* «возделывание») является итогом адаптации (от лат. *adaptatio* «приспособление») к природно-географическим условиям. Это обусловило выраженную *дихотомичность* адыгской культуры, которая развивалась на путях адаптации к горным (прилегающим к морю) и равнинным (прилегающим к степи) пространствам. На равнинах сложились иерархические политические институты, объединяемые понятием «княжество» (в категориях политической антропологии — вождество); в горной зоне, при определенном стечении обстоятельств, получили преобладание неиерархические социальные и политические отношения, наиболее горизонтальные и ацефальные у шапсугов (после 1830 г.).

— демографический фактор: удобно расположенные, эти общества могли численно расти в тот период, когда равнинные политии демографически регрессировали (под сильными ударами и постоянным давлением кочевнических армий и из-за оттока населения в «демократические племена»); «миллионное население» (*Зиссерман* 1890: 396); у Г.В. Новицкого в 1830 г. нутхайцев 240 000, шапсугов 300 000, абадзехов 200 000 (*Гарданов* 1967: 32); Дж. Лонгворт в 1837 г. в этих трех областях насчитывал 700 000 человек (*Longworth/II* 1840: 130–131); Т. Лапинский в 1857 г. в этих областях плюс убыхи — 900 000 (*Лапинский* 1995: 28);

— фактор фундаментальных инноваций: *металлургия железа* и «кавалерийская революция» (*Нефедов* 2010: 53) породили западнокавказское (меотское) вождество с его грандиозными курганными некрополями (*Эрлих* 2007); в новых исторических условиях равнинные политии («княжества») начали формироваться в эпоху Великого переселения народов и окончательно сложились при монголах (Жаней, Темиргой, Кабарда); затем *огнестрельная революция* около середины XVII в. уравнила шансы аристократов и простолюдинов; другая важная по социальным последствиям инновация — *новая злаковая культура* (кукуруза); достижение мезоамериканских селекционеров стало настоящим даром Старому Свету (*Даймонд* 2018: 178; *Бродель* 1986: 182–183); широкое распространение на Кавказе кукуруза получила в XVIII в. (*Кантария* 1989: 93) и благодаря высокой урожайности и эффективному включению в севооборот (*Гарданов* 1967: 75) она стала одним из факторов, поддерживавших рост населения в горах, который начался до внедрения «проса нартов»;

— религиозный, исламский фактор (Бэлл/1 2007: 367–368); его особенно сильное воздействие на умы связано с колониальным давлением христианской империи; рецепция ислама в условиях горских республик имела сильный эффект, схожий с ранним исламом и усиливающий нетерпимость (не только к иноверцам, но и к господствующему слою). «Это была типично простолюдинская моральная контридеология, аналогичная крестьянским войнам Европы и Реформации» (Дерлугьян 2013: 152–153).

Благодаря какому социальному механизму эмансипировались эти горские общества? Ответ дан Султаном Хан-Гиреем: «устав соприсяжного собратства» (Султан Хан-Гирей 2009: 178). Переселенца или беглеца любого происхождения и социального статуса принимали в определенный род («должно принимать в сочлены того рода, к которому беглый явится»); но присягает он «быть верным новому своему обществу», т.е. коалиции соприсяжных родов (например, Натхо). «Как бы то ни было, обычный этот устав соприсяжного собратства был гробом власти высшего класса во всей Закубанской Черкесии» (Султан Хан-Гирей 2009: 179).

Шапсуги принимали и бывших зависимых крестьян из Абадзехии: у Л.Я. Люлье приводится пример переселения к шапсугам большого семейства Тлебзу, которые разорвали свою связь с тлекотлешами Едыговыми (Едыдж) (Люлье 1857б: 229). Имущество бывших зависимых крестьян потребовало триста арб (!), что ясно говорит нам о том, что наиболее преуспевающие семейства из народа могли превосходить в богатстве многих представителей элиты. Соответственно, уход, носивший такой неспешный и организованный характер, предполагает юридически зафиксированный договор между господином и подвластным. Практики привлечения в свой полис или в свое племя чужаков, предоставления им убежища носят универсальный характер. Именно таким путем усилился ранний римский полис, который принимал не только беглецов, но и знатных представителей италийских народов, которые переселялись вместе со своими клиентами и сразу получали гражданство (Тит Ливий 1989: 76).

Соприсяжное братство как искусственно созданное племя. М.А. Аглавов подчеркивал, что племена (филы) и роды (фратрии) древних греков, стоявшие у истоков полисов, представляли собой искусственные образования, возникшие на территориальной основе (Аглавов 1988: 133). М. Манн также развивает мысль о том, что филы и фратрии уже в архаический период или даже в темные века были «военными группировками, добровольными ассоциациями воинов» (Манн 2018: 300). Затем и эти искусственно созданные племена были отодвинуты от управления благодаря целенаправленной реформе Крисфена, который, по выражению Аристотеля, «перемешал все население Аттики» с тем, чтобы подорвать власть аристократии.

Дж. Лонгворт говорил об эффекте перемешанных или накладывающихся друг на друга общественных связей: горец был деятелем и участником как «братства», так и «псухо», в котором рядом проживали представители нескольких «братств» (Лонгворт 2002: 203, 207). Дворянское сословие могло бы продолжать доминировать над территориальными обществами-псухо, но было бессильно перед реформированными псухо, на землях которых проживали соприсяжники, опиравшиеся на поддержку «братьев» со всех районов

Абадзехии. «*Сеть доверия*, предлагаемая расширенным родством, оказалась необходимым условием для этого самоосвобождения» (Дерлугьян 2013: 46). Но и в силу объективных природных и хозяйственных факторов, численно выросшие роды не могли позволить себе обособленное проживание. Так, шапсугская фамилия Ачмиз, насчитывавшая две тысячи дворов, к 1841 г. оказалась расселенной на реках Убин, Иль и на побережье (Материалы 2012: 21).

Идентичность адыга описывалась как сочетание родственного и территориального принципов. «Чтобы точно обозначить адыга, нужно назвать его народность, его племя (соприкасаемое общество. — С.Х.) и его род, его реку и указать название его сотни дворов. Например: Ендрис Хантох, Емис, шапсуг, Антхир, Окецикос. Это значит: Ендрис из фамилии Хантох, из племени Емис, народности шапсугов, который живет на реке Антхир в сотне дворов, или юнэ-из, Окецикос» (Латинский 1995: 78).

Итак, около 1750 г., как выразился К.Ф. Сталь, «черкесы осяозились» (Сталь 1900: 156). Поскольку чужаки становились «братьями», они с момента клятвы разделяли «агрессивную и дисциплинированную страсть» («асабийя» Ибн Халдуна⁷; *virtù* Макиавелли⁸), которая была «источником добродетели в общепринятом смысле, поскольку примитивные воины превращаются в патриотически настроенных граждан» (Покок 2020: 698–699).

Искусственное родство широко практиковалось генуэзцами, у которых этот институт (альберго) объединял аристократов и простолюдинов. Альберго имело территориальную привязку — не только в Генуе, но и далеко за ее пределами. Так, в целях колониальной эксплуатации греческого Хиоса 12-ю пополанскими семьями было создано альберго Джустиниани (но изначально никто из основателей не носил эту фамилию). Члены этого альберго были вкладчиками *маоны* (акционерного предприятия, термин имеет арабское происхождение), известного как Хиосская маона (1346–1566) (Эпштейн 2020: 346).

Согласно Каффаро, официально летописцу Генуи⁹, первая компания была создана в 1099 г., во время активного участия генуэзцев в первом

⁷ *Virtù* — итал. «доблесть», «добродетель». Представление об особой гражданской доблести и добродетели развивали флорентийские политические мыслители Н. Макиавелли, Ф. Гвичардини, Д. Джаннонги. Гражданская доблесть/добродетель «могла существовать лишь там, где граждан объединяло стремление к *res publica*; «достойный человек мог проявлять свою добродетель лишь в системе гражданского коллектива», а разрушение этой системы «приводило к угасанию добродетели как власть имущих, так и безвластных»; соответственно, «тиран не мог быть добродетельным, потому что у него не было сограждан»; «добродетель граждан гарантировала стабильность *политеи* и наоборот» (Покок 2020: 233).

⁸ Силу кочевничьего общества Ибн Халдун усматривал в развитом чувстве солидарности – асабийя, которое двигало сплоченный коллектив к созданию государства (Иенатенко 1980: 75). Е. Вятр трактует термин асабийя у Ибн Халдуна как «общественную связь» (Вятр 1979: 36).

⁹ Сходство политических структур и обычаев неизбежно порождает историко-культурные сопоставления. Византийский интеллектуал и церковный деятель Мануил Оловол (1245–1310) сравнил Геную с Афинами (Эпштейн 2020: 243). Это сравнение было сделано в период наивысшего могущества этого города-государства, в котором получили развитие республиканские и демократические институты (капитаны народа, которые напоминали римских трибунов до такой степени, что в 1506 г. восемь представителей пополанов или простого народа назвали трибунами) (Эпштейн 2020: 471).

крестовом походе. Эта первая компания должна была существовать три года под управлением шести консулов. До того внешнеполитические интересы Генуи представлял епископ. С появлением компании к общей клятве присоединились епископ и знать (*Эпштейн 2020: 73*). Мысль С. Эпштейна состоит в том, что «крестовый поход потребовал так много затрат и усилий, что в случае с Генуей проблемы подготовки экспедиций, вероятно, способствовали укреплению таких институтов, как компания» (*Эпштейн 2020: 73–74*). Это позволяет говорить о том, что на процессы политической реорганизации и консолидации прямо воздействуют внешнеполитические вызовы. Соответственно, военно-колониальное давление Российской империи и необходимость консолидации были важными факторами черкесского перехода к эгалитарной модели общественного устройства.

Генуэзская коммуна (компания) в 1161 г. обзавелась официальным совещательным органом — советом *анциани* (старейшин) (*Эпштейн 2020: 123*). И здесь нельзя не отметить аналогии с эллинским ареопагом. Советы старейшин или, правильнее будет сказать, старшин функционировали в рамках псухо и соприсяжных братств.

Сумма этих сопоставлений позволяет сформулировать проблему **типологического сходства и различия** аграрных кавказских «полисов» с классическими образцами такого социального устройства.

Вооруженное среднее сословие. Коренной перелом в соотношении сил между сословиями был подготовлен, в основном, двумя факторами: увеличением численности населения и распространением огнестрельного оружия. Рыцарское войско в условиях Северного Кавказа перестало быть эффективным в середине XVII в. Одновременно вообще любое значительное конное войско перестало доминировать. Это отразилось на характере крымско-черкесских отношений. Ружье уравнило шансы крымцев и черкесов. Внутри же Черкесии оно уравнило шансы дворян и простолюдинов. После ликвидации Крымского ханства и появления значительных контингентов русской регулярной армии значение дворянской конницы черкесов понизилось еще сильнее. Сдержат русское наступление могло только сочетание огнестрельного оружия и горного ландшафта. Дж. Бэлл отмечал, что на общественный переворот первостепенное влияние оказали торговля и рост богатства, сосредоточенного в руках среднего сословия; вторым фактором, отмечаемым британцем, было распространение огнестрельного оружия (*Бэлл/1 2007: 367–368*).

В итоге рядовое население Черкесии перестало кормить всадников-аристократов и снаряжать их на войну. Использование доспехов при их сниженной функциональности продолжилось вплоть до 1830-х годов. 1840-е годы стали переходным периодом, а уже в 1850-е годы с появлением штуцера и пули Минье панцирь окончательно отошел в сферу символической репрезентации властного статуса (*Хотко 2018а: 383–385*).

Г.М. Дерлугьян отмечает, что «влияние оружия на социальную структуру, вероятно, не было немедленным» (*Derlugian 2017: 45*). Исторически этот процесс напоминает военно-технологическую революцию раннего железного века, которая дала преимущества фаланге *гоплитов* (гоплит — «тяжеловооруженный»), почти совершенно вытеснившей аристократическую конницу.

Гоплитами становились от 1/5 до 1/3 самых состоятельных взрослых мужчин (Манн 2018: 303). «Такая широкая квалификация по уровню благосостояния, а не узкая по праву рождения, была революционной. Это вытолкнуло военную формацию и богатое крестьянство на территориально организованную рыночную площадь, подальше от родовых организаций, в огромную концентрацию локальной коллективной власти — гражданство» (Манн 2018: 303–304). «Никогда прежде крестьяне не правили цивилизованным обществом (впоследствии это также было большой редкостью) путем большинства голосов после свободной дискуссии на публичных встречах» (Манн 2018: 302).

Гоплиты были социально однородны и принадлежали к классу *зевгитов*, мелких и средних землевладельцев-крестьян, имевших достаточный для собственного вооружения доход (ИДМ 1983: 87). Соответственно, полис можно рассматривать как «военно-политический союз свободных собственников» (ИДМ 1983: 93). Это имело такое военно-стратегическое последствие, что войско, составленное из крестьян, пусть и хорошо тренированных, не могло и не стремилось к захвату территорий и городов (Манн 2018: 306). Таким образом, характерное свойство полисного войска способствовало раздробленности Эллады.

Аристотель был убежден в том, что «средние граждане» более всего склонны к хорошему образу правления, и из них выходят самые лучшие законодатели (Аристотель 1983: 508). Великий философ подчеркивал, что крайняя нищета и богатство порождают беспорядки и кровавые внутрисполитические конфликты, в которых часто гибнут богатые граждане, и присоединился к высказыванию Фокилида: «У средних множество благ, в государстве желаю быть средним» (Аристотель 1983: 508). Аристотель считал также наилучшим тот демократический порядок, при котором главенство принадлежит земледельческому демосу (Доватур 1965: 201). Это согласуется с солоновским принципом «ничего через меру» (Дюрант 1997: 126).

Идеал государственного устройства с доминированием средних по доходам граждан Аристотель усматривал в строе (правлении) Четырехсот и Пяти тысяч, когда полноправными были лишь те, кто способен был вооружиться на свои средства. Согласно Аристотелю, это был качественно иной строй, нежели демократия: он называет его политией и *катастасисом* (*κατάστασις* — «установление, учреждение, устройство», «порядок») (Доватур 1965: 206–207). Неограниченная власть демоса превращалась во власть толпы, которая правила, казалось бы, совершенно легитимно через народное собрание, но издавала декреты, идущие вразрез с принятыми ранее законами. Сдерживание черни, обладавшей гражданскими правами, порождает в схожих системах схожие тактики: в Генуе в 1395 г. дож Адорно созвал в Палаццо Дукале собрание 700 (Эпштейн 2022: 381).

Прямо в соответствии с аристотелевскими критериями оптимального среднего государственного устройства, в Черкесии к власти пришли зажиточные мелкие и средние землевладельцы (*старшины* русских источников). Первый элемент соприязного общества, согласно Н. Карлгофу, это свободное семейство со своими подвластными и рабами. Он использует определение «среднее сословие», считая его статус господствующим, наряду с князьями и дворянами (Карлгоф 1860: 539–540). Часть старшинской верхушки шапсугов может

быть определена как высший слой среднего класса, как зарождающаяся буржуазия: как писал С. Хан-Гирей, «есть между ними люди, способные к производству торговых оборотов» (*Султан Хан-Гирей* 2009: 173). С другой стороны, их можно назвать и «новым неродовитым дворянством» (*Сивер* 2002: 81).

Самая главная обязанность северокавказских «гоплитов» — быть вооруженным защитником. Если от небольших рейдов можно было уклониться и участие в них носило добровольческий характер, то масштабная агрессия против горской «республики» требовала всеобщей мобилизации (*Люлье* 18576: 236).

Народное собрание. К.Ф. Сталь находил, что «устройство народных собраний» у черкесов «сходно с древне-эллиническими (экклесия)» (*Сталь* 1900: 157). Достаточно очевидно, что у черкесов произошел необходимый для демократии и полиса переход от родовой лояльности к территориальной. Н. Карлгоф отмечал, что депутаты на народное собрание посылаются от *псухо* («долин») (*Карлгоф* 1860: 531). Эти депутаты или избранные старшины именовались *тхаматами* (ад. *тхъаматэ*; каб. *тхъэмадэ*): в тексте Лонгворта — тамады (*Лонгворт* 2002: 98); у Люлье — тамати (*Люлье* 18576: 236). Участие в работе народного собрания в качестве избранного депутата (представителя *псухо*) воспринималось как почетная миссия. Флорентийцы подчеркивали, что «вхождение в состав *ekkllesia* и *consiglio*, где проходило избрание магистратов, само по себе уже рассматривалось как часть магистратуры» (*Покок* 2020: 407). Бэлл писал, что «таматы» без какого бы то ни было вознаграждения, несколько месяцев в году, «полностью отрекшись от своих собственных дел», проводили время в поездках и заседаниях (*Бэлл/2* 2007: 256).

Л. Люлье фиксировал двойственность в процессе избрания депутатов: «Способов созывать депутатов или представителей народных два: первым из них от каждого племени (*clan*) назначается определенное число доверенных лиц, для выбора которых племя должно предварительно собраться; вторым же выбор делается: у магометан от *джемаата*, а у жителей побережья морского, где еще не водворился закон Магомета, от *тгаханха*, которые можно сравнить с нашими церковными приходами. Преимущественно употребляется последний способ» (*Люлье* 18576: 235).

Но в итоге торжествовал территориальный принцип, поскольку собрания высшего уровня представляли интересы территорий — вплоть до главного собрания Натхокуаджа (Шапсугии, Абадзехии). Г.В. Новицкий определенно говорит о доминировании территориального принципа: «Земли сих народов разделяются на округа; в каждом округе находится общество *избранных* старейшин, и суд, который они производят, называется *хас*. <...> В совет присяжных судей *выбираются* старейшины испытанного ума, честности и храбрости. Князь, дворянин и простой *одинаково выбирается* в сие почетное звание, если кто заслужил оное прошедшей примерной жизнью. Удостоенный сохраняет звание сие на всю жизнь. По смерти же одного из судей достойнейший из среды народа *выбирается на его место*» (*Гарданов* 1967: 260–261).

Султан Хан-Гирей в 1836 г. отмечал, что абадзехи, шапсуги и натухаевцы «избирают старшин в присяжные судьи, каковых судей каждый *тхачишь* или *приход* имеет по несколько человек» (*Султан Хан-Гирей* 2009: 118). Термин

тахань («приход») у Султана Хан-Гирея обозначает немногочисленное общество из нескольких аулов («округ» у Новицкого) и восходит к понятию христианского прихода (церковной общины).

Важно, что съезд избирал спикера или председателя, который руководил работой собравшихся, но не более того: «На таких советах они, конечно, избирают руководителя, но в основном для важности»; «Совещание открыл Мансур-бей» (*Лонгворт* 2002: 98, 112). Существовал и секретарь съезда (*Бэлл*/2007: 259).

Таким образом, полисоподобная структура у черкесов была связана не с соприязычными братствами, а с территориально организованными политиями. В то же время, эгалитаристская трансформация опиралась и на силу соприязычного братства, и на силу псухо. В соответствии с ландшафтом и под воздействием социально-политических факторов, полисоподобное территориальное сообщество со своим собранием и судом могло оставаться самостоятельным, но могло и сливаться с подобными ему соседними образованиями в крупную политию.

Это и есть процесс *синойкизма*, слияния поселений в полис, происходивший в архаической Греции. Синойкизм на примере «вольных обществ» Дагестана изучен М.А. Агларовым (*Агларов* 1988: 200). Это его наблюдение подержано Л.Е. Грининым: «Некоторые общины насчитывали до 1500 и более домов, то есть были размером с небольшой полис, и имели многоуровневую (до пяти уровней) систему самоуправления» (*Гринин* 2012: 25).

В XIX в. в Западной Черкесии существовали крупные населенные пункты, которые обозначаются в источниках как «огромные аулы». Примеры таких аулов в Абдзехии по воспоминаниям К. Гейнса: «большой аул» Исаака Соолохова; «огромный аул» эфенди Багова; «огромный аул» Мартуко-Хабль (*Гейнс* 1866: 19, 20, 35). В равнинной части Большой Шапсугии: аул Кабаниц «лежал на обоих берегах Иля, раскинувшись в густом лесу более чем на 3 версты вверх по реке, и состоял из нескольких, один возле другого расположенных аулов» (*Богуславский* 1892: 320–322); аул Убин, 800 дворов, протяженность 8 верст, был расположен у оживленной транспортной артерии — так называемой Анапской или Генуэзской дороги (*Богуславский* 1892: 323); аул Схунокояк, «имевший до 1000 сакель», на правом берегу Афиписа (*Богуславский* 1892: 327); аул Мерчан, «весьма населенный», на правой стороне Абина (*Корганов* 1884: 98–99); аул Кияб, более 1500 дворов, на р. Азипс (*Корганов* 1884: 102); «большой, укрепленный завалами аул Камелюк, находящийся между рр. Убином и Афиписом» (*Проблемы* 2001: 168). Процесс синойкизма у адыгов был прерван: ему не хватило того самого «времени большой длительности» (*la longue durée*), о котором писал Ф. Бродель.

Основным юридическим и символическим актом единения являлась клятва. Этот символический акт носит универсальный характер. Тит Ливий писал, что Римом «правили верность и клятва» (*Тит Ливий* 1989: 28). Чтобы усилить эффект принесения клятвы воображение римлян и других италийских народов создало специальные божества, которые надзирали за верностью клятве (*Тит Ливий* 1989: 512, прим. 79). С. Эпштейн отмечает, что генуэзская коммуна — *компанья* (итал. *compagna* от лат. *compagnia* — объединение) —

была создана путем принесения клятв и являлась, по сути, «клятвенным сообществом граждан» (Энштейн 2022: 72).

Жак Ле Гофф отметил роль клятвы в организации городской коммуны и феодальной элиты: «Ментальность горожан, по крайней мере вначале, отличалась эгалитаризмом, основанным на горизонтальной солидарности, объединявшей людей *благодаря клятве* в сообщество равных; феодальная же ментальность, тяготеющая к иерархии, выражалась в вертикальной солидарности, *цементируемой клятвой верности*, которую низшие приносили высшим» (Ле Гофф 1992: 89). Создавались не только городские, но и сельские коммуны, «состоящие из федераций деревень» (Ле Гофф 1992: 271). На основе клятвы был сформирован в 1291 г. Швейцарский союз (Ле Гофф 1992: 101).

Л.Я. Люлье приводит наименования пяти народных собраний конца XVIII и первой четверти XIX в.: в четырех случаях составным компонентом является слово клятвы («тхареу») и в одном — слово «собрание» («хас») (Люлье 18576: 235). В адыгском еще одна лексема использовалась и продолжает использоваться в адыгейском и кабардинском для обозначения народного собрания — *зэфэс* (каб. зэхуэс «сбор», «собрание»). Она фигурирует в названии большого съезда «Псчетникко-зефес», который урегулировал отношения между знатью и простолюдинами (Султан Хан-Гирей 2009: 474).

Клятва была в центре церемониала, сопровождавшего включение индивида в состав братства. «В заключение присяги, — писал Новицкий, — вступающий в число присяжных братьев прикладывает к челу своему Алкоран. С сего времени он равняется со всеми коренными жителями, права его и собственность обеспечиваются, и он принимается всеми как товарищ и брат» (Гарданов 1967: 256). Коран выставлялся подвешенным на небольшом шесте посреди собрания¹⁰, что отображено в дневнике Бэлла при описании судебного заседания в Адлере в 1839 г. (Бэлл/2 2007: 253).

В противоположность повышенной социальной конфликтности эллинов, **институциональная трансформация у черкесов происходила преимущественно мирным путем.** «У абадзехов каждое общество (хабль) разделяется на общины (псухо), независимые друг от друга, *но не враждебные* между собой, а тесно связанные союзом (блягага)» (Сталь 1900: 86). У абадзехов, как отмечал Л.Я. Люлье, «демократическое образование общества совершалось постепенно и без ощутительных потрясений» (Люлье 18576: 235). Это умение поголовно вооруженных горцев мирно уживаться друг с другом напоминает швейцарцев, о которых Ф. Гвиччардини писал: «хоть они здесь яростны и воинственны, у себя дома они живут свободно, под покровом закона и в высшей степени мирно» (Покко 2020: 334).

В 1796 г. шапсугское дворянство спровоцировало кровопролитие с народом, обратившись за поддержкой к старшему князю бжедугского владения Хамышей. Но убийств из-за угла не было ни до, ни после. Люлье отмечает особо это обстоятельство: «Надобно однако же заметить, что во время этих

¹⁰ Интересная этнографическая деталь состоит в очерчивании на земле круга (вокруг шеста с Кораном) (Бэлл/1 2007: 321). И. де Галонифонтибус около 1400 г. отметил, что черкесы обводили кругом церковь и обязательно расположенное рядом с ней «дерево господ» (arborem dei) (Галонифонтибус 1980: 17; Хотко 2017: 104).

смут ни один дворянин не сделался жертвой вражды простоллюдинов» (*Люлье* 1857б: 234). В период наибольшего ожесточения, сразу после 1796 г., соприсяжники объявили бойкот дворянам: «дома простоллюдинов закрылись для дворян»; «последняя мера сохранилась в памяти народа под названием *харам*; она оставалась в полной силе до тех пор, пока брожение умов не утихло» (*Люлье* 1857б: 234). Относительно небольшая группа шапсугских дворян во главе с Султан-Али Шеретлуко в 1799 г. переселилась в российские пределы (*Чемсо* 2002: 17–19).

Соответственно, исходя из общей картины, следует признать, что создателями демократических изменений в Западной Черкесии были местные дворяне: Шупако, Зазиико и др. в Натхокуадже; выдающийся военачальник Кизбеч Шеретлуко у шапсугов; практически в полном составе сохранялось абадзехское дворянство. Ситуация сложилась таким образом, что знатные фамилии согласились на определенное понижение своего сословного статуса или упрощение связанных с ним социальных практик, далеко не только ценой крови. Они трансформировали себя в новое качество национальных лидеров, народных трибунов, приглашаемых командовать военачальников. У. Хорак отметил этот инклюзивный характер демократических институтов у черкесов, позволивший представителям знати, воспринявшим интересы народа как свои собственные, «стать причастными к демократии» (*Horak* 2019: 67). Люлье отмечал в этой связи, что «большая часть из них решила остаться на родине, в надежде на прежнее свое влияние и на своих приверженцев (*clientelle*); но не пользуется другими преимуществами, кроме тех, которые дают ум, красноречие или храбрость» (*Люлье* 1857б: 234). Это напоминает стратегию вживания в демократию гегуэзской знати, которая устала бороться с ревностью настроенными пополанами и от стратегии явного доминирования, характерного для XII–XIII вв., на протяжении XIV столетия перешла к закулисной власти.

Натухай, Шапсугия и Абадзехия **почти полностью изжили уголовный бандитизм** — настолько эффективно здесь подействовало выравнивание в правах и созданная система сдержек и противовесов. Эффективная власть народного собрания и присяжных судов сделала бандитизм невозможным как массовое явление. Ш.Б. Ногмов подчеркивал кардинальное отличие в этом плане шапсугов от кабардинцев: «Между шапсугами существует в полном смысле взаимная любовь и братское согласие. Один другому зла не делает, а готов оказать всевозможную помощь» [*Ногмов* 1994: 112]. Подобное состояние общества не было следствием приверженности «древним обычаям» в их «полной чистоте», что для Ногмова соответствует мифу о «золотом веке». Социальная упорядоченность шапсугов была результатом трансформации, сформировавшей общество полисного типа.

Дж. Лонгворт с удивлением сообщал, что за весь год его нахождения среди черкесов он слышал только об одном убийстве, совершенном к тому же психически больным человеком. «Ни в какой другой стране мира, — отмечал Дж. Лонгворт, — поведение народа не является более умеренным и достойным» (*Лонгворт* 2002: 208). Полностью уголовный бандитизм, конечно же, исчезнуть не мог. Яркий пример разбойника «полисного» периода — абрек Донкей из шапсугской тфокотльской фамилии Дзер (*Султан Хан-Гирей* 2009: 523–524).

Дж. Лонгворт считал, что снижение конфликтности в обществах Западной Черкесии и почти полное искоренение таких преступлений, как убийство и разбой, были следствием социального переустройства, и встраивания местной знати в демократические политические структуры (Лонгворт 2002: 208). «Вообще убийства весьма редки и считаются необыкновенным происшествием в крае»; «грабеж и разбой по дорогам у горцев не существует» (Люлье 1866: 7, 9). Н. Карлгоф дал очень высокую оценку уровню общественного спокойствия на территориях демократических племен (Карлгоф 1860: 532). Это состояние можно считать закономерным: «Избавившись от наиболее агрессивных представителей своей знати, Генуя наконец вздохнула свободно» (Эпитейн 2022: 152).

Для обществ полисного типа объединяющей тенденцией было изживание кровной мести (Мушнина 2017: 120–121). У адыгских полисоподобных обществ также стремительно изживалась кровная месть и все наблюдатели первой половины XIX в. говорят о том, что случаи мщения очень редки, и эффективной является система композиций (действовавшая двойко: предупреждая как сами убийства, так и ответную месть) (Гарданов 1967: 229–230; Люлье 1866: 7–8; Карлгоф 1860: 527).

Политическая повседневность на территории сопредельных обществ охватывала массу людей. «Люди свободные, — заметил Э. де ла Бозси в середине XVI в., — стремятся сделать как можно больше для общего блага; каждый в меру своих сил старается сделать все возможное; они все хотят иметь свою долю либо в беде поражения, либо в благе победы» (Ла-Бозси 1952: 26–27).

Живя в условиях реального народовластия, черкес был обязан принимать участие в общественных делах (Карлгоф 1860: 526), что также находит аналогию в греческом полисе (гражданин, уклоняющийся от общественной деятельности, считался *идиотом*, умственно и духовно неполноценной личностью). А. Мишель, разбирая концепцию Бенжамена Констана, отмечал: «В античных республиках граждане потому более дорожили верховною властью, что действительно пользовались ею на общественной площади. Осуществление своей воли было для них живым и постоянным удовольствием» (Мишель 2008: 275). Ж.-Ж. Руссо, задавшись вопросом: существуют ли в новом мире народы, способные к законодательству, дает парадоксальный, на первый взгляд, ответ — только корсиканцы (Мишель 2008: 62).

Флорентийские мыслители развивали идею *vivere civile* — «образа жизни, преданной гражданским интересам и деятельности (в конечном счете политической)» (Покок 2020: 102). В итальянском полисе «приверженец *vivere civile* чувствовал себя обязанным к участию и действию в социальной структуре» (Там же).

Постоянное участие в общественной жизни, которое было сопряжено с произнесением речей на собраниях, сделало ораторские навыки высоко ценными среди черкесов. Причем умение излагать свою точку зрения, выступать в судебных прениях специальным образом тренировались в аристократической среде (Дубровин 1871: 226). По мере формирования демократически управляемых территорий ораторство получило развитие в среде тфокотлей

(Люлье 1866: 4). Ю.М. Ботяков отметил, что в этом отношении культура горцев напоминает античные образцы (Ботяков 2010: 253). Дж. Бэлл находился под большим впечатлением от ораторского искусства, продемонстрированного садзскими аристократами на съезде в Адлере (Бэлл/2 2007: 254). Он же назвал шапсугского тфокотля Шипляг-оку «Демосфеном» (Бэлл/1 2007: 302). Умение держать себя очень прямо и в красноречивой, но сдержанной манере донести свою точку зрения наблюдалось в среде адыгейских аульчан в 1930-е годы (Кьюнитц 1932: 448).

Соприсяжничество у горцев подкреплялось еще и ритуально скрепленным побратимством (куначеством), которое было связано с высоко почитаемыми обычаями гостеприимства (АБКИЕА 1974: 50). У античных греков существовал аналог куначества в виде так называемой *проксении*, ритуального гостеприимства-побратимства, которое скрепляло отношения на частном уровне и на уровне полисов. Проксения была своеобразным дипломатическим институтом, при помощи которого стороны заключали политические союзы (Шарнина 2014: 129–142). У римлян гостеприимство также носило характер особой формы политических отношений, и город заключал с гражданами других городов или с представителями племен договоры о гостеприимстве (*hospitium*) (Тит Ливий 1989: 80, 522, прим. 57).

Выводы

Аграрные, занимающие большие площади, полисоподобные структуры Северо-Западного Кавказа в большей части своих институтов и практик соответствовали республикам античности и крестьянским коммуна Западной Европы XII–XV вв. Но существовало и очень существенное отличие: сохранение лояльности клану или племени. Раздвоенная лояльность — в отношении территориального псухо и братства соприсяжников — позволила резко ослабить (у натухайцев и абадзехов) и даже полностью нивелировать (у шапсугов) власть аристократических семей. Кардинальная шапсугская трансформация приблизила их к наиболее последовательному демократизму и эгалитаризму. После остракизма Абаатов (1830) шапсугское общество пришло в состояние *изономии* (*ισονομία*, равенства граждан перед законом).

Отличительная черта демократического перехода у адыгов состояла в его почти исключительно мирном характере. Мы не знаем ни об одном эксцессе сродни аргосскому скитализму. Высшая точка антагонизма сопровождалась изгнанием группы шапсугских уорков на российское правобережье Кубани и сражением на Бзиюке 1796 г. (что было результатом военного вмешательства со стороны Бжедугского владения и Российской империи) (Хотко 2016).

Социально-политическая эволюция в русле усиления народовластия затронула и равнинные политии. Это происходило под воздействием эгалитарных обществ и как реакция на усиление колониального давления. Лидер шариатского движения в Кабарде Адиль-Гирей Атажукин выступал за равенство между владельцами и узденями: «Почему де нам оного между собой не иметь, когда оно существует во Франции» (Кажаров 1992: 92). В 1856 г. бжедугские тфокотли одержали верх над знатью в ходе *Пицы-оркь зао* («войны против князей и дворян») (Чирг 2002: 157). Процесс эмансипации крестьян у бжедугов мог иметь более быстрый темп, если бы они не оказались в 1830 г. в лагере «мирных черкесов».

Историческое время, позволившее западноадыгским крестьянам осуществить глубокие социальные преобразования, было задано «выпадением» из системы связей европейской мир-системы. После 1475 г., когда турки-османы изгнали из бассейна Черного моря североитальянские талассократии (Геную и Венецию), исчезла потребность в черкесском (зихском) товарном зерновом хозяйстве. Из положения ресурсной периферии, которое обусловило процесс закрепощения крестьян (*Валлерстайн* 2016: 123–124; АБКИЕА 1974: 46–48), Черкесия перешла в состояние глубокой периферии восточно-средиземноморской полупериферийной зоны европейской мир-экономики. Парадоксальным итогом этого стала возможность для эмансипации среднего сословия.

Новый политический строй на западе Черкесии имел значительный набор полисных черт. Это было полисоподобное устройство с развитыми институтами самоуправления и доминированием среднего сословия. В изменившемся обществе возникла отчетливо выраженная способность к переменам, что означало важный культурный переход, связанный с отказом от *мимесиса*¹¹. Таким образом, около 1800 г. у половины населения Черкесии появилась эволюционная альтернатива, связанная с теми преимуществами, которые предоставляет жизнь граждан.

Источники и литература:

- АБКИЕА: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., ред. переводов, введение и вступит. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.
- Агларов М. А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начало XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988. 240 с.
- Аристотель.* Сочинения в четырех томах. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.
- Богуславский Л.* История Апшеронского полка. 1700–1892. СПб., 1892. Т. II. 552 с.
- Бондаренко Д. М., Кортаев А. В.* Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции (К кросскультурному тестированию некоторых полиантропологических гипотез) // *Общественные науки и современность.* 1999. № 5. С. 128–139.

¹¹ В традиционном обществе, считал А.Дж. Тойнби, мимесис (подражание, воспроизведение) «направлен в прошлое, господствует обычай, поэтому такое общество статично» (*Тойнби* 2021: 133).

- Бондаренко Д. М.* Родственный и территориальный принципы организации общества и феномен государства // Ранние формы политических систем. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 99–134.
- Ботяков Ю. М.* Публичная личность и ораторская традиция в меняющихся политических и социальных условиях Западного Кавказа // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 234–305.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII веков. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное / пер. с франц. Л.Е. Куббе-ля; вступит. статья и редакция Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1986. 622 с.
- Бэлл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В двух томах / пер. с англ. К.А. Мальбахова. Нальчик: Эль-Фа, 2007. Т. 1. 408 с.; Т. 2. 328 с.
- Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / предисл. Г.М. Дерлугьяна, пер. с англ., литер. ред., комм. Н. Проценко и А. Черняева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 552 с.
- Васильев Л. С.* Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 96–114.
- Виппер Р. Ю.* Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи (начало). Избранные сочинения в двух томах. Ростов н/Д: Феникс, 1995. Т. I. 480 с.
- Вятр Е.* Социология политических отношений. М.: Прогресс, 1979. 463 с.
- Галонифонтибус И. де.* Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Из сочинения «Книга познания мира». Баку: Элм, 1980. 43 с.
- Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов. (XVIII — первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967. 331 с.
- Гейнс К.* Пешеходный отряд с октября 1862 г. по ноябрь 1864 г. // Военный сборник. 1866. № 1. С. 3–58.
- Гринин Л. Е.* Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ // Ранние формы политических систем. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 9–98.
- Даймонд Дж.* Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ / пер. с англ. М. Колопотина. М.: АСТ, 2018. 720 с.
- Дерлугьян Г.* Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 384 с.
- Доватур А. И.* Политика и Политии Аристотеля. М.: Наука, 1965. 391 с.
- Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I: Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. I: Кавказ. СПб., 1871. 640 с.

- Дюрант В.* Жизнь Греции / пер. с англ. В. Федорина. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 704 с.
- Зиссерман А. Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879. М.: Унив. тип., 1890. XVIII, Т. 2. 458 с.
- Игнатенко А. А.* Ибн-Хальдун. М.: Мысль, 1980. 160 с.
- ИДМ: История Древнего мира. Кн. 2: Расцвет древних обществ. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983. 574 с.
- Кажаров В. Х.* Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик: Институт черкесской истории и культуры, 1992. 160 с.
- Кантария М. В.* Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 273 с.
- Карлгоф Н.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. М., 1860. Т. XXVIII. № 8. С. 517–550.
- Классен Х. Дж. М.* Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Издательская группа «Логос», 2000. С. 6–23.
- Колубакин Н. П.* Взгляд на жизнь общественную и нравственную племен черкесских // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. I. С. 179–184.
- Корганов А. С.* История 45-го драгунского Северского его величества короля датского полка. Тифлис, 1884. 392 с.
- Кортаев А. В.* Горы и демократия: к постановке проблемы // Восток. 1995. № 3. С. 18–26.
- Кортаев А. В.* Социальная история Йемена, X в. до н.э. — XX в. н.э. Вождества и племена страны Хашид и Бакил. М.: Комкнига, 2006. 192 с.
- Крадин Н.* Политическая антропология. М.: Логос, 2004. 270 с.
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.
- Кьюницц Д.* Что вы думаете об Адыгее? // Глазами иностранцев. М.: Главное издательство художественной литературы, 1932. С. 440–449.
- Ла-Бозси, Э. де.* Рассуждение о добровольном рабстве / пер. и комм. Ф.А. Коган-Бернштейн. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 200 с.
- Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978. 184 с.
- [*Лапинский*]. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев / пер. В.К. Гарданова. Нальчик: Эль-Фа, 1995. 463 с.

- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
- Лейн Ф.* Золотой век Венецианской республики. Завоеватели, торговцы и первые банкиры Европы / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2020. 607 с.
- Лонгворт Дж.А.* Год среди черкесов / пер. с англ. В.М. Аталикова. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 541 с.
- Люлье Л. Я.* Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми: Черкесами (Адиге), Абхазцами (Азеге) и другими смежными с ними // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1857а. Кн. IV. Отд. I. С. 173–193.
- Люлье Л. Я.* О натухажцах, шапсугах и абадзехах // ЗКОИРГО. Тифлис, 1857б. Кн. IV. Отд. I. С. 227–237.
- Люлье Л. Я.* Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев // Тифлис, 1866. ЗКОИРГО. Кн. VII. Вып. 1. С. 1–18.
- Манн М.* Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н.э. / пер. с англ. и науч. ред. Д.Ю. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 760 с.
- Мариньи Т.де.* Поездки в Черкесию / пер. с франц. К.А. Мальбахов. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 208 с.
- Маслов А. А., Попов В. А.* Социально-коммуникативные сети как фактор вторичного политогенеза (к проблеме стадийного и цивилизационного развития доколониальной Тропической Африки) // Ранние формы политических систем. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 330–349.
- Материалы по истории западных адыгов. (Архивные документы 1793–1914 гг.) / сост. А.В. Сивер. Нальчик: Издательский центр КБИГИ, 2012. 158 с.
- Мишель А.* Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. М., 2008. 536 с.
- Муцинина Л. Н.* Проблема кровной мести в правосудии древних греков (по материалам древнегреческого эпоса и драмы) // Актуальные вопросы развития российской государственности и публичного права. Материалы III всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Е.В. Трофимов. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. С. 117–121.
- Нефедов С. А.* История России. Факторный анализ. Т. I. С древнейших времен до Великой Смуты. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 376 с.
- Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / вступит. статья и подгот. текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 1994. 232 с.
- Покот Дж.Г.А.* Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / предисл. Р. Уотмора; пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 888 с.

- Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-е — 70-е годы XIX в.). Сборник архивных документов. Нальчик: Эльбрус, 2001. 496 с.
- Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII вв. Сборник материалов / подгот. В.М. Аталиков. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 394 с.
- Сивер А. В.* Шапсуги: Этническая история и идентификация. Нальчик, 2002. 216 с.
- СКЧЯ: Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.
- Смоленский С.* Воспоминания кавказца. Десантное дело у Псахе 19 июля 1862. (Из походного дневника) // Военный сборник. 1875. Т. 105, № 10. С. 414–438.
- [*Сталь*] Этнографический очерк черкесского народа / составил генерального штаба подполковник барон Сталь в 1852 году // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. XXI. Отд. II. С. 53–173
- Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы / сост., подгот. текстов, научное ред., коммент. М.Н. Губжокова. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2009. 672 с.
- Тит Ливий.* История Рима от основания города / ред. переводов М.Л. Гаспаров и Г.С. Кнабе; ред. комментариев В.М. Смирин. М.: Наука, 1989. Т. I. 576 с.
- Тихомиров Л. А.* Тени прошлого. Воспоминания / сост., вступит. статья и примеч. М.Б. Смолин. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. 720 с.
- Тойнби А. Дж.* Постигание истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова; предисл. В.И. Уколовой; коммент. Д.Э. Харитоновича. М.: Академический проект, 2021. 800 с.
- ТСАЯ: Толковый словарь адыгейского языка / сост. А.А. Хатанов, З.И. Керашева; под ред. А.Н. Абрегова, Н.Т. Гишева. Майкоп, 2006. 512 с.
- Фелицын Е. Д.* Князь Сефер-бей Зан. Политический деятель и поборник независимости черкесского народа. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. 296 с.
- Хотко С. Х.* 1796 год в истории Черкесии: реализация противоположных политических стратегий // Вестник науки АРИГИ. 2016. № 9 (33). С. 172–181.
- Хотко С. Х.* Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.). Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2017. 544 с.
- Хотко С. Х.* Черкесская винтовка и русский штуцер: соревнование людей, технологий и политических систем // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. 3–5 октября 2018 г. Тула, 2018а. С. 382–388.
- Хотко С. Х.* «Санджак-Шериф» или «Делиберти»: проблема происхождения черкесского флага в контекстах государствогенеза и геральдики // Материалы международной научно-практической конференции «Адыги: проблемы сохранения культурного наследия и этнической самобытности» 3 октября 2018 г. Майкоп, 2018б. С. 8–14.

- Челеби Э.* Книга путешествия / предисл. Ф.М. Алиева, А.Д. Желтякова, М.К. Зуляяна, Г.В. Путуридзе; прим. и коммент. А.Д. Желтякова, М.К. Зуляяна, Г.В. Путуридзе. Вып. 3: Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М.: Наука, 1983. 376 с.
- Чемсо А. К.* Гривенно-Черкесская станица. Краснодар: Краснодарские известия, 2002. 178 с.
- Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Нальчик: Эль-Фа, 1998. Т. II: 1775–1780 гг. 506 с.
- Чирг А. Ю.* Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII — 60-е годы XIX в.). Майкоп, 2002. 204 с.
- Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов / под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953. 561 с.
- Шарнина А. Б.* Проксения в межполюсных отношениях Эллады // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2014. С. 129–142.
- Эпштейн С.* Генуя и генуэзцы. 958–1528 / пер. с англ. И.Д. Травина. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 576 с.
- Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. 5-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 448 с.
- [*Bell*]. Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839 by James Stanislaus Bell. L.: Edward Moxon, 1840. Vol. I. 453 p.; Vol. II. 488 p.
- Derlugian G. M.* The Forgotten Complexities of the North Caucasus Past // Кавказология. 2017. № 1. С. 41–55.
- Henze P. B.* Circassian Resistance to Russia // The North Caucasus Barrier. The Russian Advance Towards the Muslim World. L.: Hurst & Company, 1992. P. 62–111.
- Horak W.* Social Revolution in Circassia: The Interdependence of Religion and the World-System // Journal of Caucasian Studies (JOCAS). November 2018 — May 2019. Vol. 4, No. 7–8. P. 37–72.
- Longworth J. A.* A Year Among the Circassians. L.: H. Colburn, 1840. Vol. I. 312 p.; Vol. II. 351 p.
- Manning P.* Just like England: On the Liberal Institutions of the Circassians. Comparative Studies in Society and History. 2009. No. 51(3). P. 590–618.
- Simpson W.* Sketches made during the Campaign of 1854–55 in the Crimea, Circassia and Constantinople. L., 1880. (Альбом хранится в Музее Виктории и Альберта: Victoria and Albert Museum. Museum no. D.62–1900). [Электронный ресурс] https://vk.com/album-34328347_260061552
- The Free Press. Journal of the Foreign Affairs Committees. Vol. X. No. 10. October 1, 1862.
- The Free Press: Supplement to The Free Press. 1862b. Vol. X. No. 15. January 7, 1863.

Research article

Khotko S. H. Civil life of the West Caucasian mountaineers: the experience of typology [Grazhdanskaia zhizn' zapadnokavkazskikh gorcev: Opyt tipologii] Anthropologies, 2023, no 2, pp. 26-58, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/26-58>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Khotko S. H. | inalast@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-5097-5864> | Adygean Republican Institute of Humanitarian Researches named after T.M. Kerashev, Head of the Department of Ethnology

Abstract

During the second half of the 18th century and the first third of the 19th century in a number of western regions of Circassia, a transition was made from the centuries-old tradition of hierarchical management to a polis-type society. The process of accelerated emancipation, organized by representatives of the upper layer of *tfokotls* (personally independent peasants), allowed a mass of dependent peasants and migrants from other Circassian territories where the power of the princes remained to become full members of self-governing societies (agrarian poleis). The rapid emancipation and consolidation of the armed «middle class» in new historical conditions reproduced the rise to power of the *zeugitai*, who formed the *hoplite* phalanx.

The polis revolution changed the way of life of the mountain masses, bringing them closer to the ancient ideal of civil life—socially and politically active participation in the management of the territorial polity. The adherent, as the Florentine civic humanists defined it, the *vivere civile*, felt obligated to participate and act in the social structure. The polis-type society was distinguished by a high level of solidarity, in which civic interests were placed above personal ones. Like the ancient Greeks, the West Caucasian highlanders voluntarily bore expenses and performed socially significant functions (liturgy); these were sea expeditions on their ships (trierarchy), diplomatic service (architeory). The ancient Greeks had an analogue of *kunachestvo* in the form of the so-called *proxenia*, ritual hospitality-twinning, which cemented relationships at the private level and at the level of poleis. One of the similarities associated with this new state of society is the development of oratory among the commoners. Transformations and new rules of social life and morality among the Circassians were predominantly non-conflict and consensus.

The difference between the Circassian horizontally structured societies from the classical polis was that bifurcated loyalty was introduced here: not only to their territorially organized community («*psukho*»), but also to a quasi-related association—the so-called «sworn brotherhood» («*tleuzh*»). Members of such a brotherhood, whose basic level was really connected with extended families, united on the basis of taking an oath, considered themselves a kindred group. These fraternities provided protection (military and legal) not only to peasants, but also to the affiliated noble families. From now on, representatives of noble families acted on an equal footing with the foremen of *tfokotls*. Thus, *Natkhoquadj*, *Shapsugia* and *Abadzekhia* consisted of polis-like territories, which were governed by popular assemblies and elected judges, and themselves delegated deputies to «tribal» assemblies. The parallel structure was based on the extraterritorial connection and mutual loyalty of «sworn brotherhoods». These intersecting and overlapping networks of trust have created an exceptionally disciplined, conscious and safe society, rapidly eradicating such rooted negative phenomena as robbery, blood feuds, crimes against the person, and the slave trade.

Keywords: politogenesis, national assembly (zaucha), congress (zefes), sworn brotherhood (tleuzh), territorial community (psukho), democracy, politeia (πολιτεία), polis, middle class, civil life, elections, solidarity, virtue

References

- ABKIEA, 1974. *Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiiah evropeiskih avtorov 13–14 vv.* [The Adygs, Balkars and Karachays in the news of European authors of the 13–14 centuries]. Compilation, revision of translations, introduction and introductory articles to the texts V.K. Gardanov. Nalchik: Elbrus. 635 p.
- Aglarov, M.A. 1988. *Selskaia obshchina v Nagornom Dagestane v 17 — nachalo 19 v.* (*Issledovanie vzaimootnosheniia form hoziaistva, socialnyh struktur i etnosa*) [Rural community in Mountainous Dagestan in the 17 — beginning of the 19 century (Study of the relationship between the forms of economy, social structures and ethnicity)]. M.: Nauka. 240 p.
- Aristotel, 1983. *Sochinenia v chetyrekh tomah.* T. 4 [Essays in four volumes, 4]. Transl. from ancient Greek; general ed. A.I. Dovatur. M.: Mysl'. 830 p.
- Bell, J. 1840. *Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839 by James Stanislaus Bell.* L.: Edward Moxon. 1: 453 p.; 2: 488 p.
- Bell, J. 2007. *Dnevnik prebyvaniia v Cherkesii v techenie 1837–1839 godov. V dvuh tomah* [Diary of a stay in Circassia during 1837–1839. In 2 volumes]. Transl. K.A. Malbahov. Nalchik. 1: 408 p.; 2: 328 p.
- Boguslavskii, L. 1892. *Istoriia Apsheronского полка. 1700–1892* [History of the Absheron regiment. 1700–1892]. 2. SPb. 552 s.
- Bondarenko, D.M., Korotaev, A.V. 1999. Politogenez, «gomologicheskie riady» i nelineinye modeli socialnoi evoliucii (K krosskulturnomu testirovaniu nekotorykh poliantropologicheskikh gipotez) [Politogenesis, «homological series» and nonlinear models of social evolution (For cross-cultural testing of some polyanthropological hypotheses)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5: 128–139.
- Bondarenko, D.M. 2012. Rodstvennye i territorialnye principy organizatsii obshchestva i fenomen gosudarstva [Related and territorial principles of the organization of society and the phenomenon of the state]. *Rannie formy politicheskikh system.* SPb.: MAE RAN: 99–134.
- Botyakov, Iu.M. 2010. Publichnaia lichnost' i oratorskaia tradiciia v meniaiushchihsia politicheskikh i socialnykh usloviiah Zapadnogo Kavkaza [Public personality and oratorical tradition in the changing political and social conditions of the Western Caucasus]. *Tradicii narodov Kavkaza v meniaiushchemsia mire: preemstvennost' i razryvy v sociokulturnykh praktikah.* SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie: 234–305.
- Braudel, F. 1986. *Materialnaia civilizatsiia, ekonomika i kapitalizm 15–18 vekov. Tom 1: Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Material civilization, economy and capitalism of the XV–XVIII centuries. 1: Structures of everyday life: the possible and the impossible]. Transl. from the French by L.E. Kubbel. Introductory article and editorial by Iu.N. Afanasiev. M.: Progress. 622 p.

- Celebi, E. 1983. *Kniga puteshestviia* [The Book of travel]. Introd. F.M. Aliev, A.D. Zheltiakov, M.K. Zulanian, G.V. Puturidze. Approx. and comms. A.D. Zheltiakov, M.K. Zulanian, G.V. Puturidze. 3: Lands of Transcaucasia and adjacent regions of Asia Minor and Iran. M.: Nauka. 376 p.
- Chemso, A.K. 2002. *Grivenno-Cherkesskaia stanica* [Grivenno-Circassian village]. Krasnodar. 178 p.
- Cherkesy, 1998. *Cherkesy i drugie narody Severo-Zapadnogo Kavkaza v period pravleniia imperatricy Ekateriny II* [Circassians and other peoples of the North-West Caucasus during the reign of Empress Catherine II]. 2: 1775–1780. Nalchik: El-Fa. 506 p.
- Chirg, A. Iu. *Razvitie obshchestvenno-politicheskogo stroia adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza (konec 18–60-e gg. 19 v.)* [Development of the socio-political system of the Adygs of the North-Western Caucasus (late 18–60s of the 19 century)]. Maikop. 204 p.
- Derluguian, G.M. 2017. *The Forgotten Complexities of the North Caucasus Past*. *Caucasology*, 1: 41–55.
- Derluguian, G. 2013. *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosociologicheskie temy* [How this world works. Sketches on macrosociological topics]. M.: Izd. Instituta Gaidara. 384 p.
- Diamond, J. 2018. *Ruzhiia, mikroby i stal': istoriia chelovecheskih soobshchestv* [Guns, germs, and steel: The Fates of human Societies]. Transl. M. Kolopotin. M.: AST. 720 p.
- Dovatur, A.I. 1965. *Politika i Politii Aristotelia* [Aristotle's Politics and Polities]. M.: Nauka. 391 p.
- Dubrovin, N.F. 1871. *Istoriia voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze. Ocherk Kavkaza i narodov ego naseliiushchih* [The history of the war and the rule of the Russians in the Caucasus. An essay on the Caucasus and the peoples inhabiting it], 1, 1. SPb. 640 p.
- Durant, V. 1997. *Zhizn' Greicii* [Life in Greece]. Transl. V. Fedorin. M.: KRON-PRESS. 704 p.
- Epshtein, S. 2022. *Genuia i genuezcy. 958–1528* [Genoa and the Genoese. 958–1528]. Transl. I.D. Travin. SPb. 576 p.
- Etkind, A. 2022. *Vnutrenniaia kolonizaciia. Imperskii opyt Rossii* [Internal colonization. The Imperial Experience of Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 448 p.
- Felicin, E.D. 2010. *Kniaz' Sefer-bei Zan. Politicheskii deyatel i pobornik nezavisimosti cherkesskogo naroda* [Prince Sefer Bey Zan. Politician and proponent of the independence of the Circassian people]. Nalchik. 296 p.
- Galonfontibus, I. de. 1980. *Svedeniia o narodah Kavkaza (1404 g.). Iz sochineniia «Kniga poznaniia mira»* [Information about the peoples of the Caucasus (1404). From the essay «The Book of Knowledge of the World»]. Baku: Elm. 43 p.
- Gardanov, V.K. 1967. *Obshchestvennyi stroi adygskih narodov (18 — pervaiia polovina 19 v.)* [The social system of the Adyghe peoples. (18 — the first half of the 19 century)]. M.: Nauka. 331 p.

- Geins, K. 1866. *Pshekhskii otriad s oktiabria 1862 g. po noiabr' 1864 g.* [Pshekhsky detachment from October 1862 to November 1864]. *Voennyi sbornik*, 1: 3–58.
- Grinin, L.E. 2012. Rannie gosudarstva i ih analogi v politogeneze: tipologii i сопоставительnyi analiz [Early States and their analogues in politogenesis: Typologies and comparative analysis]. *Rannie formy politicheskikh sistem*. SPb.: MAE RAN: 9–98.
- Henze, P.B. 1992. Circassian Resistance to Russia. *The North Caucasus Barrier. The Russian Advance Towards the Muslim World*. L.: Hurst & Company: 62–111.
- Horak, W. 2019. Social Revolution in Circassia: The Interdependence of Religion and the World-System. *Journal of Caucasian Studies (JOCAS)*. November 2018 — May 2019, 4, 7–8: 37–72.
- Hotko, S.H. 2016. 1796 god v istorii Cherkessii: realizatsiia protivopolozhnykh politicheskikh strategii [1796 in the history of Circassia: the implementation of opposing political strategies]. *Vestnik nauki ARIGI*, 9, 33: 172–181.
- Hotko, S.H. 2017. *Cherkessii: genesis, etnopoliticheskie sviazi so stranami Vostochnoi Evropy i Blizhnego Vostoka (13–16 vv.)* [Circassia: genesis, ethnopolitical relations with the countries of Eastern Europe and the Middle East (13–16 centuries)]. Maikop. 544 p.
- Hotko, S.H. 2018a. Cherkesskaia vintovka i russkii shtucer: sorevnovanie liudei, tekhnologii i politicheskikh sistem [Circassian rifle and Russian fitting: competition of people, technologies and political systems]. *Mir oruzhiia: istoriia, geroi, kollekcii*. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference. October 3–5, 2018. Tula: 382–388.
- Hotko, S.H. 2018b. «Sandzhak-Sherif» ili «Deliberti»: problema proiskhozhdeniia cherkesskogo flaga v kontekstakh gosudarstvogeneza i geraldiki [«Sanjak-Sheriff» or «Deliberti»: the problem of the origin of the Circassian flag in the context of state genesis and heraldry]. *Adygi: problemy sohraneniya kul'urnogo naslediya i etnicheskoi samobytnosti*: Materials of the International Scientific and Practical Conference. Oktober 3, 2018. Maikop: 8–14.
- Ignatenko, A.A. 1980. *Ibn-Haldun*. M.: Mysl'. 160 p.
- Istoriia Drevnego mira. 1983. Kn. 2: Rascvet drevnih obshchestv* [The history of the Ancient world. 2: The Heyday of Ancient societies]. M.: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatelstva «Nauka». 574 p.
- Kantariia, M.V. 1989. *Ekologicheskie aspekty traditsionnoi hoziaistvennoi kultury narodov Severnogo Kavkaza* [Ecological aspects of the traditional economic culture of the peoples of the North Caucasus]. Tbilisi: Mecniereba. 273 p.
- Karlgof, N. 1860. O politicheskom ustroistve cherkesskikh plemen, naseliiashchih severovostochnyi bereg Chernogo moria [About the political structure of Circassian tribes inhabiting the northeastern coast of the Black Sea]. *Russkii vestnik*, 28, 8: 517–550.
- Kazharov, V.H. 1992. *Adygskaia hasa. Iz istorii soslovno-predstavitelnykh uchrezhdenii feodalnoi Cherkessii* [Adyghe khasa. From the history of class-representative institutions of feudal Circassia]. Nalchik: Institut cherkesskoi istorii i kultury. 160 p.

- Klassen, H.J.M. 2000. Problemy, paradoksy i perspektivy evoliucionizma [Problems, paradoxes and prospects of evolutionism]. *Alternativnye puti k civilizacii*. M.: Logos: 6–23.
- Koliubakin, N.P. 2001. Vzgliad na zhizn' obshchestvennuiu i npravstvennuiu plemen cherkesskih [A look at the social and moral life of the Circassian tribes]. *Russkie avtory 19 veka o narodah Centralnogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza*, 1. Nalchik: 179–184.
- Korganov, A.S. 1884. *Istoriia 45-go dragunskogo Severskogo ego velichestva korolia datskogo polka* [History of His Majesty the King of Denmark's 45th Dragoon Seversky Regiment]. Tiflis. 392 p.
- Korotaev, A.V. 1995. Gory i demokratiia: k postanovke problemy [Mountains and democracy: towards a problem statement]. *Vostok*, 3: 18–26.
- Korotaev, A.V. 2006. *Socialnaia istoria Iemena, 10 v. do n.e. — 20 v. n.e. Vozhdestva i plemena strany Hashid i Bakil* [Social History of Yemen, 10 century BC — 20 century AD. Chiefdoms and tribes of the Hashid and Bakil countries]. M.: Komkniga. 192 p.
- Kradin, N. 2004. *Politicheskaia antropologiia* [Political anthropology]. M.: Logos. 270 p.
- Kradin, N.N., Skrynnikova, T.D. 2006. *Imperiia Chingis-hana* [The Empire of Genghis Khan]. M.: Vostochnaya literatura. 557 p.
- K'yunitc, D. 1932. Chto vy думаete ob Adygee? [What do you think about Adygea?]. *Glazami inostrancev*. M.: Glavnoe izdatelstvo hudozhestvennoi literatury: 440–449.
- La Boétie, E. de. 1952. *Rassuzhdenie o dobrovolnom rabstve* [Reasoning about voluntary slavery]. Transl. and komm. F.A. Kogan-Bernshtein. M.: Izd-vo AN SSSR. 200 p.
- Lapinskii, 1995. *Gorcy Kavkaza i ih osvoboditelnaia bor'ba protiv russkikh. Opisanie ochevidca Teofila Lapinskogo (Teffik-beia), polkovnika i komandira polskogo otriada v strane nezavisimyh kavkazcev* [The mountaineers of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians. Description of the eyewitness Teofil Lapinsky (Teffik Bey), colonel and commander of the Polish detachment in the country of independent Caucasians]. Transl. V.K. Gardanov. Nalchik: El-Fa. 463 p.
- Lavrov, L.I. 1978. *Istoriko-etnograficheskie ocherki Kavkaza* [Historical and ethnographic essays of the Caucasus]. L.: Nauka. 184 p.
- Le Goff, J. 1992. *Civilizaciia srednevekovogo Zapada* [The Civilization of the Medieval West]. M.: Izdatelskaia gruppa Progress, Progress-Akademiia. 376 p.
- Lein, F. 2020. *Zolotoi vek Venecianskoi respubliki. Zavoovateli, torgovcy i pervye bankiry Evropy* [The Golden Age of the Republic of Venice. Conquerors, merchants and the first bankers of Europe]. Transl. L.A. Igorevski. M.: ZAO Centrpoligraf. 607 p.
- Liulie, L. Ia. 1857a. Obshchii vzgliad na strany, zaniimaemye gorskimi narodami, nazyvaemyi: Cherkesami (Adige), Abhazcami (Azega) i drugimi smezhnymi s nimi [A general view of the countries occupied by the mountain peoples, called Circassians (Adygs), Abkhazians (Azega) and others related to them]. *ZKOIRGO*, 4, 1. Tiflis: 173–193.

- Liulie, L. Ia. 1857b. O natuhazhcah, shapsugah i abadzekhah [About natukhazhs, shapsugs and abadzehs]. *ZKOIRGO*, 4, 1. Tiflis: 227–237.
- Liulie, L. Ia. 1866. Uchrezhdeniia i narodnye obychai shapsugov i natuhazhcev [Institutions and folk customs of Shapsugs and Natukhazhs]. *ZKOIRGO*, 7, 1. Tiflis: 1–18.
- Longvort, J.A. 2002. *God sredi cherkosov* [A year among the Circassians]. Transl. V.M. Atalikov. Nalchik: El-Fa. 541 p.
- Longworth, J.A. 1840. *A Year Among the Circassians*. L.: H. Colburn. 1: 312 p.; 2: 351 p.
- Mann, M. 2018. *Istochniki socialnoi vlasti: v 4 t. T. 1. Istoriia vlasti ot istokov do 1760 goda n.e.* [Sources of social power: in 4 volumes. 1: The history of power from its origins to 1760 AD]. Transl. and scientific ed. by D.Y. Karasev. M. 760 p.
- Manning, P. 2009. Just like England: On the Liberal Institutions of the Circassians. *Comparative Studies in Society and History*. 51, 3: 590–618.
- Marigny, T.de. 2006. *Poezdki v Cherkessiu* [Trips to Circassia]. Transl. K.A. Malbahov. Nalchik. 208 p.
- Maslov, A.A., Popov, V.A. 2012. Socialno-kommunikativnye seti kak faktor vtorichnogo politogeneza (k probleme stadialnogo i civilizatsionnogo razvitiia dokolonialnoi Tropicheckoi Afriki) [Social and communicative networks as a factor of secondary politogenesis (on the problem of stadium and civilizational development of pre-colonial Tropical Africa)]. *Rannie formy politicheskikh sistem*. SPb.: MAE RAN: 330–349.
- Materialy po istorii zapadnykh adygov (Arhivnye dokumenty 1793–1914 gg.)* [Materials on the history of Western Adygs (Archival documents of 1793–1914)]. 2012. Comp. A.V. Siver. Nalchik: Izdatelskii centr KBIGI. 158 p.
- Mishel, A. 2008. *Ideia gosudarstva. Kriticheskii opyt istorii socialnykh i politicheskikh teorii vo Francii so vremeni revoliucii* [The idea of the state. Critical experience of the history of social and political theories in France since the Revolution]. M. 536 p.
- Mushchinina, L.N. 2017. Problema krovnoi mesti v pravosudii drevnih grekov (po materialam drevnegrecheskogo eposa i dramy) [The problem of blood feud in the justice of the ancient Greeks (based on the materials of the ancient Greek epic and drama)]. *Aktualnye voprosy razvitiia rossiiskoi gosudarstvennosti i publichnogo prava*. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Ed. E.V. Trofimov. SPb.: 117–121.
- Nefedov, S.A. 2010. *Istoriia Rossii. Faktornyi analiz. T. I. S drevneishikh vremen do Velikoi Smuty* [The history of Russia. Factor analysis. 1: From ancient times to the Great Troubles]. M. 376 p.
- Nogmov, Sh.B. 1994. *Istoriia adyheiskogo naroda. Sostavlennaia po predaniiam kabardincev* [The history of the Adyghe people. Compiled according to the legends of the Kabardians]. Introductory article and preparation of the text by T.H. Kumykov. Nalchik. 232 p.

- Pocock, J.G.A. 2020. *Moment Machiavelli: Politicheskaia mysl' Florencii i atlanticheskaia respublikanskaia tradiciia* [The Machiavelli Moment: The Political Thought of Florence and the Atlantic Republican Tradition]. Foreword by R. Watmore; transl. by T. Pirusskaia. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 888 p.
- Problemy Kavkazskoi voiny i vyselenie cherkesov v predely Osmanskoi imperii (20-e — 70-e gg. 19 v.). Sbornik arhivnykh dokumentov* [Problems of the Caucasian War and the eviction of Circassians to the Ottoman Empire (20s — 70s of the 19 century). Collection of archival documents]. 2001. Nalchik: Elbrus. 496 p.
- Severnyi Kavkaz v evropeiskoi literature 13–18 vv. Sbornik materialov* [The North Caucasus in the European literature of the XIII–XVIII centuries. Collection of materials]. 2006. Ed. V.M. Atalikov. Nalchik. 394 p.
- Shamil — stavlennik sultanskoi Turcii i angliiskih kolonizatorov. Sbornik dokumental'nykh materialov* [Shamil — a protege of the Sultan of Turkey and the British colonialists. Collection of documentary materials]. 1953. Ed. Sh.V. Tsagareishvili. Tbilisi. 561 p.
- Sharnina, A.B. 2014. Prokseniia v mezhpolisnykh otnosheniiah Ellady [Proxenia in the interpolitical relations of Hellas]. *Mnemon. Issledovaniia i publikacii po istorii antichnogo mira*: 129–142.
- Simpson, W. 1880. *Sketches made during the Campaign of 1854–55 in the Crimea, Circassia and Constantinople*. L. Victoria and Albert Museum. Museum no. D.62–1900. URL.: https://vk.com/album-34328347_260061552
- Siver, A.V. 2002. *Shapsugi: Etnicheskaia istoriia i identifikaciia* [Shapsugs: Ethnic history and identification]. Nalchik. 216 p.
- Slovar' kabardino-cherkesskogo iazyka* [Dictionary of Kabardino-Circassian language]. 1999. M.: Digora, 860 p.
- Smolenskii, S. 1875. Vospominaniia kavkazca. Desantnoe delo u Psahe 19 iiulia 1862. (Iz pohodnogo dnevnika) [Memoirs of a Caucasian. Amphibious assault at Psakhe on July 19, 1862. (From the field diary)]. *Voennyi sbornik*, 105, 10: 414–438.
- Staël, 1900. Etnograficheskii ocherk cherkesskogo Naroda, Sostavil generalnogo shtaba podpolkovnik baron Staël v 1852 godu [Ethnographic essay of the Circassian people / He made up the General Staff of Lieutenant Colonel Baron Staël in 1852]. *Kavkazskii sbornik*, 21, 2. Tiflis: 53–173
- Sultan Khan Giray, 2009. *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents]. Comp. by M.N. Gubzhokov. Maikop: Polygraph-Yug, 2009. 672 p.
- The Free Press, 1862a. *Journal of the Foreign Affairs Committees*, 10, 10, October 1.
- The Free Press, 1862b. *Supplement to The Free Press*, 10, 15, January 7, 1863.
- Tihomirov, L.A. 2000. *Teni proshlogo. Vospominaniia* [Shadows of the past. Memoirs]. Comp., intro. article and note by M.B. Smolin. M. 720 p.

- Titus Livius, 1989. *Istoriia Rima ot osnovaniia goroda* [The History of Rome from the foundation of the city]. Translation editors M.L. Gasparov and G.S. Knabe. Editor of comments V.M. Smirin. 1. M.: Nauka. 576 p.
- Tolkovyi slovar' adygeiskogo iazyka* [Explanatory dictionary of the Adyghe language]. 2006. Comp. by A.A. Khatanov, Z.I. Kerasheva. Ed. by A.N. Abregov, N.T. Gishev. Maikop. 512 p.
- Toynbee, A.J. 2021. *Postizhenie istorii* [Comprehension of History]. Transl. E.D. Zharkova. Preface V.I. Ukolova. Comment D. E. Kharitonovich. M.: Akademicheskii proekt. 800 p.
- Vasiliev, L.S. 2000. Vostok i Zapad v istorii (osnovnye parametry problematiki) [East and West in history (the main parameters of the problematic)]. *Alternativnye puti k civilizacii*. M.: Logos: 96–114.
- Vipper, R. Iu. 1995. *Lekcii po istorii Grecii. Ocherki istorii Rimskoi imperii (nachalo). Izbrannoe sochinenie v dvuh tomah* [Lectures on the history of Greece. Essays on the History of the Roman Empire (beginning). Selected essay in two volumes]. 1. Rostov n/D: Feniks. 480 p.
- Viatr, E. 1979. *Sociologiya politicheskikh otnoshenii* [Sociology of political relations]. M.: Progress. 463 p.
- Wallerstein, I. 2016. *Mir-sistema Moderna. Tom I. Kapitalisticheskoe selskoe hoziaistvo i istoki evropeiskogo mira-ekonomiki v 16 veke* [The Modern World system. I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-economy in the 16th century]. Preface by G.M. Derluguian, transl., lit. edit., comm. N. Procenko, A. Cherniaev. M. 552 p.
- Zisserman, A.L. 1890. *Feldmarshal kniaz' Aleksandr Ivanovich Baryatinskii. 1815–1879* [Field Marshal Prince Alexander Ivanovich Baryatinsky. 1815–1879]. M.: Univ. tip. 2, 18: 458 p.

